

Ибрагимов Марсель Ильдарович

МИФОПОЭТИКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУР

В статье рассматривается мифологизм в татарском модернизме в сопоставлении с поэтикой мифа в европейском модернизме первой половины XX века. Определяются национальные особенности мифологизма в рамках модернистской поэтики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 43-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Аминовой В. Р. и к.п.н., доц. Галимуллиной А. Ф.

В статье рассматривается мифологизм в татарском модернизме в сопоставлении с поэтикой мифа в европейском модернизме первой половины XX века. Определяются национальные особенности мифологизма в рамках модернистской поэтики.

В появившихся за последнее десятилетие научных публикациях по проблеме модернизма в татарской литературе их авторы в той или иной степени пишут о мифологизме, как одном из проявлений модернистской парадигмы художественности, указывая на многообразие форм мифологизма: обращение к фольклорно-мифологическим образам и сюжетам, использование исторических мифологем, образов и сюжетов мусульманской мифологии. В то же время вопрос о мифологизме с точки зрения исторической поэтики чаще всего остается вне поля зрения исследователей.

В отечественном литературоведении «Поэтика мифа» Е. М. Мелетинского продолжает оставаться одной из наиболее значительных работ, в которой предпринимается попытка исторического рассмотрения поэтики мифа в модернистском романе XX века. Противопоставляя модернистский роман XX века реалистическому роману XIX в., Е. М. Мелетинский определяет характерные для этого жанра инвариантные особенности мифологизма (релятивистская трактовка времени, обращение к универсальной психологии подсознания, мифологическая символика и др.) и способы его художественной реализации в творчестве ряда европейских авторов (Джойса, Т. Манна, Кафки). Вместе с тем модернистский роман не рассматривается ученым как явление сугубо европейское: в поле зрения исследователя оказываются и произведения латиноамериканских и афро-азиатских писателей, для которых «мифологические традиции еще являются живой подпочвой национального сознания и даже многократное повторение тех же мифологических мотивов символизирует в первую очередь стойкость национальных традиций, национальной жизненной модели» [Мелетинский 2000: 298]. Таким образом, в рамках историко-типологического подхода к изучению мифологического романа Е. М. Мелетинский ставит вопрос о региональных особенностях поэтики мифа, указывая на «многослойность» латиноамериканских и афро-азиатских романов, в которых «фольклорные традиции и фольклорно-мифологическое сознание, хотя бы в пережиточной форме, может существовать рядом с модернистским интеллектуализмом чисто европейского типа» [Мелетинский 2000: 365].

В татарской литературе XX века модернизм возникает дважды: в начале прошлого столетия и в его конце. В начале XX века в татарской литературе происходит становление новой парадигмы культуры, основывающейся на росте национального самосознания и активизации диалога с русской и западноевропейской литературой и философией. Ю. Г. Нигматуллина, определяя место модернизма в литературном процессе первой трети XX века, пишет о редуцированности модернистских течений, обусловленной тем, что «наличие единой парадигмы культуры не дает возможности поляризации разнородных литературных явлений и выделения среди них модернизма как самостоятельного, автономного литературного течения» [Нигматуллина 2002: 14].

С другой стороны, говоря о рецепции европейского модернизма в татарской литературе, исследователи обращают внимание на влияние контекста национальной культуры: исторического, философского, религиозного. В частности, в ряде работ современных исследователей (А. М. Саяповой, Д. Ф. Загидуллиной, В. Р. Аминовой и др.) ставится вопрос о философии суфизма в татарском модернизме [Саяпова 2006; Загидуллина 2003; Аминова 2007].

«Вторая волна» модернизма в татарской литературе (конец XX века) характеризуется сменой доминант: социально-политическая доминанта начала XX века уступает место философской. Философский дискурс в модернизме конца XX века, по мнению Ю. Нигматуллиной, выражается в таких категориях, как «нулевая позиция», принцип «инь-янь», «игра», художественными эквивалентами которых выступают темы молчания, тишины, исторические мифологемы, принцип притчи и диалогизм [Нигматуллина 2002: 111-159].

Мифологизм в татарском модернизме стал, с одной стороны, одним из проявлений возросшего интереса к национальной мифологии, истории, фольклору, что в равной степени относится как к культуре начала XX века, так и конца прошлого столетия. С другой, как и в европейском модернизме, мифологизм зачастую был связан с неопсихологизмом, «универсальной психологией подсознания, оттеснившей социальную характеристику романа XIX века» [Мелетинский 2000: 296].

В 1910-ые гг. и на рубеже XX-XXI вв. в татарской литературе появляются произведения, авторы которых обращаются к исламской и доисламской мифологии. В начале XX века это произведения Г. Рахима («Туды...» - «Родился...», «Ул кичэд» - «В этот вечер...»), Ш. Ахмадиева («Рэхмэтле кэн» - «Благодарственный день»), Г. Гафурова («Ул» - «Он»), М. Гафури («Адам ва Иблис» - «Адам и Дьявол»), Ш. Бабича («Газазил») [Загидуллина 2006: 162-181]; в конце - Н. Гыйматдиновой («Болан» - «Олень»; «Ак торна каргышы» - «Проклятие белого журавля»), Г. Гильманова («Албастылар»), Ф. Байрамовой («Алыплар илендэ» - «В стране великанов») [Ибрагимов 2003: 45-58].

Произведений неомифологических, типологически соотносимых с неомифологическими произведениями в европейском модернизме, в татарском модернизме XX века значительно меньше. В татарской литера-

туре прошлого века не сформировался модернистский роман европейского типа, возможно, по причине того, что в начале прошлого столетия под влиянием русской литературы (Тургенев, Толстой, Достоевский) происходило становление реалистического романа (романы Г. Исхаки, Г. Ибрагимова). С другой стороны, модернистский роман в европейской литературе отражает кризис сознания, как одного из проявлений кризиса европейской культуры рубежа XIX-XX вв.. В татарской литературе (в данном случае - начала XX века), несмотря на активное освоение современной западноевропейской философии (в первую очередь - А. Шопенгауэра и Ф. Ницше), ощущение кризиса культуры не стало доминантой мировосприятия, что, впрочем, не исключает переживания духовного кризиса в творчестве ряда поэтов (Дардменд, С. Рамеев) и прозаиков (А. Тангатаров, Г. Рахим, М. Ханафи). Связано это, очевидно, с тем, что в культурной самоидентификации татарских писателей начала века «восток» был не менее значим, чем «запад», иначе говоря, усваиваемая татарскими писателями модернистской ориентации европейская неклассическая картина мира уравновешивалась связанными с восточной культурой национальными традициями.

В качестве примеров мифологизма в татарском модернизме XX века рассмотрим произведения Г. Исхаки («Суннэтче бабай») и современной татарской писательницы Ф. Байрамовой («Канатсыз акчарлыклар»).

Развитие сюжета в рассказе Исхаки «Суннэтче бабай» (1911) определяется логикой движения от изображения «внешнего», лишённого индивидуального начала человека к человеку «внутреннему». Сопоставляя психологизм в русской литературе XIX века с психологизмом в произведениях татарских писателей начала XX века, В. Р. Аминова пишет: «В татарской литературе этого периода, активно осваивавшей художественно-эстетический опыт русской литературы, получили развитие принципы и приемы психологического анализа, характерные прежде всего для «диалектики души» Толстого и для «тайной психологии» Тургенева. Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Исхаки, Ш. Камала, Г. Рахима и др. объединяет стремление понять внутренний мир человека в его противоречивой сложности, непрерывном изменении и борьбе противоположных начал» [Аминова 2007: 196]. «Но, - продолжает автор статьи, - в принципах и приемах психологического изображения проявляются и национальные художественные традиции... Цель творчества заключается в постижении внутренних, скрытых свойств изображаемого объекта, поэтому формы и методы психологического изображения призваны направлять рецептивную активность читателя, вовлекать его в область восприятия скрытого смысла - особых состояний, переживаемых человеком» [Аминова 2007: 196-197].

До смерти жены Гулйюзум жизнь героя подчинена ритуалу¹, который выступает как форма его существования. Примечательно, что уже в самом начале рассказа автор указывает на «отсутствие» возраста и имени у персонажа: односельчанами герой воспринимается исключительно в связи с обрядом, ритуалом.

Смерть жены Гулйюзум становится в сюжете точкой перелома: автор обращается к психологии героя, раскрывает сложные психологические коллизии, обращаясь к приемам психоанализа.

В учении К.-Г. Юнга об архетипах бессознательного важное значение имеет понятие «индивидуация», смысл которого состоит в гармонизации человеческой личности, в «установлении живых связей между сознанием и подсознанием» и как следствие - «переход от *персоны (маски)* к высшей *самости*, предполагающий окончательный синтез сознательного и бессознательного, личного и коллективного, внешнего и внутреннего» [Мелетинский 2000: 61]. Развитие характера в рассказе Г. Исхаки может быть интерпретировано в терминах психоанализа как своего рода путь к высшей самости, обретаемой героем за мгновение до смерти, когда он, обращаясь к Аллаху, передает свою сакральную миссию сыну муллы. То, что в первой части рассказа (до смерти жены) выступало как проявление коллективного сознания, в его конце становится фактом сознания индивидуального: в самосознании героя формируется мысль о том, что его освященная многовековой традицией деятельность является своего рода необходимым условием сохранения общины.

Таким образом, в раскрытии психологии героя в рассказе «Суннэтче бабай» обнаруживаются осложненные психоанализом принципы психологизма, связанные с восходящими к традициям арабо-мусульманской культуры особенностям изображения психологии. Вместе с тем, говоря о психологизме в рассказе Г. Исхаки, не следует маргинализировать влияния русской реалистической прозы XIX века, в первую очередь - «диалектики души» Л. Н. Толстого. Все это позволяет интерпретировать рассказ Г. Исхаки как произведение, в котором модернистские элементы (в данном случае речь идет об элементах психоанализа) существуют внутри реалистической художественной парадигмы.

В ряде произведений современной татарской писательницы Ф. Байрамовой обнаруживаются характерные для модернистской парадигмы художественности приемы: психоанализ, «поток сознания», игра.

Ф. Байрамова зачастую изображает человека на границе двух миров - реального и ирреального, фантастического. В повести «Канатсыз акчарлыклар» («Бескрылые чайки» 1988) предметом изображения становится человеческая психология в сложном переплетении сознательного и бессознательного, что позволяет интерпретировать ее с точки зрения психоанализа.

Идея повести Ф. Байрамовой раскрывается через игру архетипами Анимы и Анимуса, по К.-Г. Юнгу - бессознательными представлениями, выступающими в образах женского начала в мужчине и мужского в женщине.

¹ «Суннет» - обряд обрезания у мусульманских народов.

Анимус в повести выступает в двух ипостасях: с одной стороны, это Бурекюз - первобытный земной мужчина, с другой - Ак йез, фантастический пришелец. Бурекюз и Ак йез - образы, символизирующие два начала в человеке - плотское (земное) и духовное (небесное). В абстрактно-символической форме Ф. Байрамова раскрывает столкновение в человеке этих двух начал. Обретение духовной целостности понимается автором повести не как отрицание одного из начал, а как их гармоничное соединение, синтез.

В структуре художественного времени выделяются настоящее (изображение обыденной, повседневной жизни героев), прошлое («правремя», когда первобытные люди впервые встретились с загадочными пришельцами) и будущее, понимаемое как обретение некогда утраченной гармонии.

Художественное пространство структурируется по принципу бинарных оппозиций: небо - земля, закрытое пространство (пространство квартиры, психиатрической лечебницы, куда попадает героиня повести) - открытое пространство, сакральное пространство (мечеть) - профанное пространство. Важное значение в раскрытии идеи повести принадлежит хронотопу психиатрической больницы в главе «Монда». Образ психбольницы выступает как метафора современной жизни, как модель социального устройства страны (произведение создавалось в конце 1980-х гг. в перестроечное время) и в то же время он соотносится с мифологией ада. В мусульманской мифологии джаханнам образуется сочетанием концентрических воронкообразных кругов: в одном из описаний ада в Коране говорится о семи воротах ада. В этой связи обращает на себя внимание семь этажей психбольницы в повести Ф. Байрамовой и дихотомия восхождения - нисхождения. Восхождение в стенах психбольницы выступает как ложное, мнимое восхождение в inferнальном пространстве. Прозрение героини наступает тогда, когда в стоящей внизу обезумевшей толпе она видит Ак йез. Путь героини вниз к Ак йез - своего рода символ духовного очищения, за которым следует новое восхождение. Символика восхождения в данном случае связана с семантикой духовного восхождения, понимаемого как соединение мужского и женского начал, являющегося основой бытия. Путь героев в повести Ф. Байрамовой - это путь к этому высшему единству. В древнекитайской мифологии и натурфилософии это единство передается символом Инь - Ян (Инь - символ женского начала, Янь - мужского), в юнгианской теории архетипов - это единство Эроса и Логоса.

Это единство мыслится Ф. Байрамовой как возвращение когда-то утраченной целостности. Трагедия современного человека понимается писательницей как трагедия дифференцированного существования, отчуждения людей друг от друга. Мифологизм в повести Ф. Байрамовой «Канатсыз акчарлактар» может быть определен как «мифология социального отчуждения», суть которой, по мнению Е. М. Мелетинского, заключается в том, что «внелические социальные силы, от которых человек зависит, оказываются проявлением сил надсоциальных, трансцендентных и приобретают фантастический характер» [Мелетинский 2000: 352]. Подобного рода мифологизм обнаруживается и в некоторых других произведениях писательницы, в частности, в повести «Кюл балыгы» («Девушка-рыба»).

Приведенные примеры мифологизма репрезентативны с точки зрения особенностей поэтики мифа в татарском модернизме начала XX века и его конца.

В начале XX века, когда в татарской литературе начинается становление модернистской парадигмы художественности, мифологизм проявляется либо в произведениях, воспроизводящих традиционные сюжеты народной или исламской мифологии, либо (что значительно реже) в реалистических произведениях, в которых обнаруживаются глубинные мифопоэтические пласты.

В конце XX века мифологизм существует как один из приемов модернистской поэтики, проявляющийся в игре авторов мифологемами (Г. Гильманов, Н. Гыйматдинова), архетипами бессознательного (Ф. Байрамова).

Список использованной литературы

1. **Аmineва, В. Р.** Герменевтический дискурс в компаративистских исследованиях / В. Р. Аmineва // Уч. записки Казанского университета. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. - Т. 149. - Сер. «Гуманитарные науки». - Кн. 2. - С. 191-206.

2. **Аmineва, В. Р.** Суфийский код поэтики повести Г. Рахима «Идель»: к постановке проблемы / В. Р. Аmineва // Суфизм как социокультурное явление в российской умме: Материалы Всероссийской научно-критической конференции (Казань, 21 ноября 2006). - Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. - С. 142-159.

3. **Загидулина, Д. Ф.** Модернизм и татарская проза начала XX века / Д. Загидулина. - Казань: Татарское книжное издательство, 2003. - 255 с. (на тат. яз.).

4. **Загидулина, Д. Ф.** Смена картин мира: философские произведения в татарской литературе начала XX века / Д. Загидулина. - Казань: Магариф, 2006. - 191 с. (на тат. яз.).

5. **Ибрагимов, М. И.** Миф в татарской литературе XX века: проблемы поэтики / М. И. Ибрагимов. - Казань: Gu-manitaria, 2003. - 64 с.

6. **Мелетинский, Е. М.** Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. - 407 с.

7. **Нигматуллина, Ю. Г.** «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве / Ю. Г. Нигматуллина. - Казань: «Фэн», 2002. - 176 с.

8. **Саяпова, А. М.** Дардменд и проблема символизма в татарской литературе / А. М. Саяпова. - Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2006. - 246 с.